

Ты мою шизофрению уж пожалуйста не трогай
ведь моя шизофрения паранойе не чета
я ведь сам ее лелеял я иду своей дорогой
ты ступай в свои пределы оскверняй свои места...

Бронислав Виноградский

ГЛАВА 1

«Стоит пирамида. Внутри нее камеры. И гроб. Слева, в большой комнате. Размер гроба — точно — метр семьдесят пять на метр. И весь он золотой. Прошу вас, уважаемое телевидение и лично телеведущий Швядкой, отправить меня в Египет для непосредственной работы в гробу с последующим возможным обогащением родного нашего государства, которое совсем вконец разорили Чубайс и его приятель Греф».

«Ну кто же еще?» — усмехнулась Александра и перевернула ксерокопированную страницу из истории болезни.

«Каждый год Учитель велит исполнять возложенную на меня миссию — возвращать энергию пирамиде Хеопса. Там бывает тысяча тысяч посетителей, и ее тоже надо восстанавливать. Наша группа посещает пирамиду, и в результате проводимых нами ритуалов по граням пирамиды образовывается энергетическое кольцо, она начинает вибрировать, и от нее идут круги энергии во все стороны. Мы работаем через благословение великого «молчащего сердцем» — Осириса. Наш Иерарх носит имя, связанное с буквами НФР, а это не что иное, как одно из многочисленных имен Осириса. У Учителя есть привычка — отмечать именины не по имени, а по своей фамилии, так как она образована от имени. Вчера как раз были эти именины, но он почему-то уехал из Москвы...»

— Та-ак... НФР... Запись от тринадцатого июня, — Александра выдвинула нижний, «мусорный», как она называла, ящик письменного стола и, покопавшись в груде старых бумаг и давних поздравительных открыток, которые вроде и не нужны

совсем, а выбросить рука не поднимается, извлекла брошюрку под названием «Имена и именины» и начала перелистывать страницы. — Таким образом, именины «Учителя» двенадцатого. Имя связано с буквами НФР. По согласным похоже на... — пробежала глазами по странице, — на... Онуфрий. Ага, вот и он, святой Онуфрий, в переводе с древнеегипетского — «постоянно находящийся в состоянии благодати», — прочитала она. — Бывают же счастливые люди! — Александра откинулась на спинку кресла и с наслаждением потянулась, испытывая к Онуфрию почти родственные чувства, потому что и сама наслаждалась СВОБОДОЙ! Да-да, именно так — прописными буквами. Впору вешать на входную дверь табличку: «Жизнь удалась!». Уже третий день нежно любимый с детства будильник отдыхал. Как кошмарный сон вспоминались автомобильные заправки на реках и ручейках московских улиц по дороге на работу. А жалкая пара свободных часов перед сном, когда не знаешь, за что схватиться в домашнем хозяйстве? Все в прошлом! Очередной отпуск, приплюсованный к не полностью использованным отпускам за предыдущие годы, давал возможность не только прийти в себя после монотонного бега от выходных до выходных, но и завершить написание монографии. Тем более что исследование эндогенных психозов, связанных с Древним Египтом, попросту говоря — «египтопатии», ее захватило. Тема была не только интересной, но и забавной, если вообще можно назвать темой изучение шизофренического бреда.

Переворотив кучу исторических источников и литературы, Александра смогла выяснить, что первые психозы на почве Древнего Египта появились еще в начале девятнадцатого столетия, вскоре после египетского похода Наполеона, и повторялись с определенной периодичностью, всякий раз охватывая все большее количество людей. Проявлялись почти одинаково: личность больных расслаивалась, и они начинали отождествлять себя с древнеегипетскими богами и богинями, фараонами и царицами. Женщины в двадцатом веке предпочитали Клеопатру. Да и как иначе? Кто бы даже из практически здоровых дам отказался быть похожим на красавицу Элизабет Тейлор? У больных пользовались спросом также жрецы, жрицы, военачальники, на худой

конец, архитекторы, но — никогда простые строители пирамид, горшечники или землепашцы. «Египтопаты» создавали тайные группы и общества, объединяясь по принципу своей причастности в прошлых жизнях к древнеегипетской цивилизации; собирались вместе и совершали таинственные обряды, которые называли мистериями, и тем самым, вероятно, готовили себя к будущей встрече со своим прежним «я». А в конце девятнадцатого века несколько сотен человек, одетых в белые одежды, прибыли к подножию Великой пирамиды и дружно покончили с собой.

«Скорее всего, жизнь у них просто не удалась и собственный социальный статус их не устраивал, — предположила Александра, хотя так и не смогла понять, как «перевоплощенцы» делили между собой должности в династиях. — Не иначе как жребий бросали».

Истории с самоубийствами повторялись и в последующем столетии.

«Кстати, — Александра отложила брошюру, — интересно было бы познакомиться с этим НФР. Посмотреть его в деле, в полевых, так сказать, условиях. Во всей шизофренической красоте, — с усмешкой подумала она. — Хотя не исключено, что он просто мошенник. Ищет простаков и тянет деньги».

«Ку-ку, ку-ку, ку-ку...» — выскочив из резного домика над старинными ходиками, охрипшим голосом напомнила о времени неутомимая кукушка.

«О господи! Уже двенадцать! Пора ехать в родную психушку», — заторопилась Александра, закрыла папку с документами и по привычке убрала ее в ящик стола.

* * *

Глухая ограда с колючей проволокой, увитой по-осеннему нарядными листьями дикого винограда, скрывала двухэтажный особняк с обшарпанными усадебными колоннами, неосмотрительно сооруженный как раз к 1917 году беспечным купцом-миллионщиком, сгнившим вскоре в лихолетье смуты и Гражданской войны. Свежее граффити, сделанное уличным

художником-шутником на глухой стене неподалеку от проходной, изображал молодца в белом халате, который со словами: «Вы все еще кипятитесь? Тогда мы идем к вам!» — пеленал девушку в смирительную рубашку испуганную девушку. Хмурый охранник, завидев «отпадную докторшу», попробовал было улыбнуться, но не смог преодолеть монументальность образа, а может, и смог, но только после того, как та прошла мимо. Александра направилась к зданию лечебницы, наблюдая ставшую привычной за годы работы картину: по асфальтированной дорожке, покрытой россыпью сезонных морщин, под сенью сомкнувших ветви-руки старых лип прогуливались и сидели на скамейках больные, похожие на пришельцев из иных миров, заплутавших в глубинах собственного подсознания и оказавшихся чужими в земных зарослях сознания бытового.

— Нет. Я тебе так скажу, — мужчина с метлой в руках, расположившийся на скамейке неподалеку от пропускного пункта, разговаривал с видимым только ему собеседником, — при осмысливании всякого смысла у мыслящего мыслями мыслителя рождаются мысли, осмысливающие смысл смысла, — он запнулся, провожая раздосадованным взглядом Александру, наморщил лоб, собрал в стайку разлетевшиеся было мысли и пояснил: — В смысле смысла.

Очевидно, невидимый собеседник согласился со столь убедительным высказыванием, отчего лицо философа озарилось по-детски счастливой улыбкой.

Александра подошла к зданию лечебницы, но заходить внутрь не стала, увидев, что из распахнувшегося на втором этаже окна ей энергично машет рукой Вадим, давний приятель и неугомонный поклонник, а в рабочее время — главный врач и начальник.

— Сандра Юрьевна, дорогая, привет! — Лицо Вадима светилось неподдельной радостью. — Счастлив видеть будущую звезду мировой психиатрии! Поднимешься ко мне или как?

— Или как, Вадюша, — сказала она независимым тоном отпускницы, напрочь забывшей о служебной иерархии.

— Да ты не беспокойся, Сандручка, — пряча улыбку, легко согласился тот с ее нынешним статусом, — к нам сюда независимым исследователям вход всегда свободный!

— Я слышала, у вас тут с выходом проблемы? — включившись в игру, изобразила она озабоченность на лице.

— Врут, все врут, негодяи! Клеветают нагло, без зазрения совести! — с почти искренним возмущением воскликнул Вадим. — Сама же знаешь, у нас тут самое свободное место во всей стране! Может, все-таки желаешь проверить? — Жестом радушного хозяина попытался снова заманить гостью.

— Не-е-ет, товарищ самый главный врач! — расплылась Александра в улыбке, достойной рекламного щита зубной пасты. — Лучше вы к нам! Да не упрямитесь, выходите! Последние теплые деньки на дворе! Осень золотая!

— Ну ладно, как скажешь, дорогая! — весело согласился Вадим. — Подождешь меня минуток пять, не убежишь? А то, может, пару санитаров приставить? — в раздумье, будто и не к ней обращаясь, нарочно громко сказал он.

— А кто сегодня дежурит? Случайно, не Петрович?

— Он, он родимый, любимец твой. Коли узнает, что ты здесь, незамедлительно примчится. А от него, сама знаешь, пощады не жди! Заговорит насмерть! — Вадим исчез в глубине оконного проема.

Александра расположилась на скамейке неподалеку от дверей лечебного корпуса, достала из замшевой сумочки темные очки, протерла стекла краем обкрученного вокруг шеи шелкового платка и откинула голову, подставив лицо все еще горячим солнечным лучам...

— Слушай, как думаешь, может, все-таки водрузить статую Свободы на площадке перед входом? — услышала она голос Вадима, который, неслышно подойдя сзади, положил руку ей на плечо. — «Бартольди» собственный у нас уже имеется. Настоячиво предлагает свои услуги.

— Что, новый пациент? — Александра запрокинула голову, чтобы увидеть собеседника, и была незамедлительно награждена быстрым поцелуем в лоб.

— Ага, — ответил Вадим, обошел скамейку и встал напротив гостьи. — Я бы, конечно, не возражал, если бы то же самое место «Бонапарт» не ангажировал, чтобы в газетной треуголке в величественной позе выстаивать. Потом еще «Нерон», — он

озабоченно наморщил лоб, — да, кстати, и «король-солнце Людовик XIV» на это же место претендует. Беспокоюсь, не случилось бы войны.

— А ты собери их вместе за столом переговоров, пусть выкурят трубку мира, — предложила Александра, изобразив озабоченность на лице.

— Если только с травкой, — хмыкнул Вадим. — Другая их не умиротворит.

— А что же ты хочешь? С гениями работаешь!

— Да уж! — важно согласился Вадим. — Сама знаешь, лучшие умы собираем. Свободных мест уже нет. В связи с осенним обострением. Прием только по предварительной записи. Держи свои выписки из архива, — с торжественным видом протянул он папку с тесемками, завязанными бантиком. — Полдня ксерил!

— Ой, спасибо, Вадюшенька, век не забуду твоей доброты, — Александра достала из сумочки предусмотрительно захваченный пакет и опустила туда документы.

— А ты, Сандрочка, гляжу, совсем обленилась на вольных хлебах. Подняться на второй этаж ей тяжело! — сказал Вадим с укоризной.

— И пришлось бедному старому Вадиму с тяжелой папкой в руках самому ковылять к своей горе! — хмыкнула она.

— Во-первых, не старому еще! — делано возмущился тот, выпячивая грудь. — А во-вторых, не ковылять, а спуститься! С высот руководящего поста, между прочим, — нахмутив брови, он изобразил начальственную строгость. — Превозмогая накопившуюся усталость. Присесть, что ли? — спросил, уже откидывая назад полы белоснежного халата и опускаясь на скамейку. — А нас, мужчин-руководителей, беречь ой как надо! — скосил глаза на Александру, проверяя, находит ли призыв понимание, и, не обнаружив такового, продолжил: — Бедных особенно. Работа нервная, соблазнов полная. Все так и норовят предложить что-нибудь противоправное! Так и норовят!

Александра сочувственно закивала.

— Сама ведь знаешь, — Вадим наклонился к собеседнице, — наша психушная справка покруче всякой ксивы будет. Вытворишь чего хочешь! Да-а, — он откинулся на спинку

скамейки и заложил руки за голову, — порой так хочется от-
даться во власть пороку! — В его голосе зазвучали мечтатель-
ные нотки. — Злоупотребить полномочиями и коррумпироваться!
Чтоб потом на работу на «мерине» или «бэхе» с открытым
верхом...

— С открытым верхом — это да! Это класс! — немедленно
согласилась Александра. — Особенно в московском климате.
Хоть зимой, хоть осенью, хоть весной. Да и летом нормально.
Шикарная пепельница на колесах! Для водителей грузовиков,
которые с высоты кабин плюют на дорогу, а заодно и на преду-
преждения Минздрава.

— Ох, Сандра! — Вадим изобразил вселенскую скорбь на
лице. — Ну что ты за человек? Светлую мечту о материальных
благах вот так безжалостно... — Он махнул рукой. — Тебе, ко-
нечно, хорошо на новой «авдотье»... — пауза была нужна толь-
ко для того, чтобы придать лицу невинное выражение, — ...со-
вершенно случайно выигранной в казино... — следующая пауза
позволила ему смущенно потупить голову, — ...в котором Кузин
приятель — хозяин.

Лицо Александры вспыхнуло от возмущения.

С Алексеем Кузнецовым, по-домашнему — Кузей, высоко-
поставленным государственным чиновником, в прошлом впол-
не удачливым бизнесменом, а в еще более далеком прошлом
одноклассником Вадима, она познакомилась в январе на дне
рождения Вадима, куда школьный друг, оторвавшись от неот-
ложных дел и ответственных мероприятий, заехал на минутку
«поздравить старичка, умудрившегося родиться в Татьянин
день, который, как известно, не только день студентов, но и день
рождения Володи Высоцкого», но почему-то остался до глубо-
кой ночи и, демонстрируя чудеса галантности, добровольно вы-
звался подвезти ее домой за город в дачный поселок. Предложе-
ние оказалось весьма кстати — ее «девятка», видимо, решила
зачековать во дворе у новорожденного и, простуженно чихая
и кашляя, категорически отказалась заводиться на морозе.

Новый поклонник, вальяжный, осанистый, солидный не по
годам, одетый с иголки, а главное, обладавший потрясающим
рокошущим басом, вначале показался немного назойливым, но

потом слово «назойливость» под напором стильных букетов и милых сердцу каждой женщины дорогих безделушек трансформировалось в более приемлемое «настойчивость» — свойство, вполне достойное мужчины. По словам Вадима, школьный друг всегда был примером правильного поведения и образцом для подражания. Его зычный голос, особенно когда в старших классах Кузе доводилось декламировать стихи Маяковского, приводил в оцепенение молоденькую учительницу литературы, которая, прижав к лицу ладошки, замирала и таяла от умиления прямо на глазах. Разве что автограф не просила. Впрочем, таяла не она одна. Поклонницами Кузиного голоса и других не менее замечательных достоинств были многие девочки. Да и как могло быть иначе? Кузя был начитан, воспитан и обходителен, со школы избрал здоровый образ жизни, не отравляя окружающую среду и жизнь учителей табачным дымом и, в отличие от гормонально невожатанных прыщавых одноклассников, не зажимал девчонок по углам на вечеринках. Ну, разве что иногда, поднимаясь по лестнице, галантно пропускал перед собой некоторых девиц в особо коротких юбках. А кто бы не пропустил? К тому же исправно посещал школьные комсомольские мероприятия и не модный тогда теннисный корт, демонстрируя на собраниях идеологическую подкованность, а на спортивной площадке — белоснежные кроссовки и дорогую ракетку, присланные с оказией папой, ответственным совзагранработником, большую часть жизни посвятившим тяжелому служению родине во враждебном западноевропейском окружении. В компании Кузя пил в основном сок и минеральную воду, воздерживался от чрезмерного употребления мяса и неумеренного секса и в результате, вопреки посягательствам многочисленных охотниц, на подходе к сорокалетнему юбилею продолжал оставаться «ну очень перспективным женихом».

По рассказам Вадима, разбогател Кузя в тридцать лет почти случайно. В результате стечения двух совершенно неудачных обстоятельств, которые вопреки здравому смыслу, но в полном соответствии с известным арифметическим правилом про минус, помноженный на минус, дали плюс. В 1998 году после вынужденного раздела имущества мясоперерабатывающего комбината

с «авторитетными» партнерами ему достались только сотни тысяч банок никому не нужной отечественной говьяжьей и свиной тушенки. К тому же в привычно катастрофичном августе грянул дефолт, которого все давно ждали, но подготовились лишь немногие — те, кто точно знал, когда и для чего дефолт должен грянуть. Вот здесь-то для Кузи и началось волшебное превращение двух отрицательных обстоятельств в один положительный результат. Население страны генетическим чутьем почувствовало приближение большой беды. Опытное довоенное поколение, обнаружив замаячивший на горизонте призрак еще не забытого голода и бесконечных очередей, бросилось на последние рубли сметать с полок все, что можно было съесть. Тушенка вместе с солью, сахаром, мукой и спичками в одночасье превратилась в ходовой товар и легко ушла оптом по тройной цене. Реализовав всю партию популярного народного продукта, Кузя в одночасье стал миллионером. Но радость от свалившегося на голову капитала не помешала услышать сигнал, поданный государством, — он интуитивно понял, что авантюрные 90-е заканчиваются и наступает другое время, когда самым прибыльным бизнесом и надежной защитой становится государственная должность. Используя отцовские связи, Кузя поспешно снял с себя бремя коммерческих рисков и занял важный пост в новом правительстве. В общем, укрылся под теплым крылом непредсказуемого для населения, но уже вполне понятного для чиновников государства.

Сказать по правде, за несколько месяцев знакомства, привыкнув к его вниманию и заботе, Александра даже начала подумывать, что застенчивый поклонник не самый плохой вариант, но у того обнаружился существенный недостаток. Точнее, болезненный комплекс. Выяснилось, что Кузя и есть тот самый «каждый пятый мужчина», вычисленный строгой медицинской статистикой, то есть жутко ревнив. Поначалу это даже забавляло. Срабатывал женский стереотип «ревнует — значит любит». С одной стороны, было видно, что ему приятно появляться с эффектной спутницей на людях, но с другой... Выражение Кузиного лица менялось, лишь только к ней приближался мужчина. Даже ее собственный стилист, по своей природе, естественно, попадавший лишь в категорию подружек. Но Кузя в такие моменты бывал

глух и слеп. А потом следовали расспросы: «Ну и кто это? Откуда ты его знаешь? Почему он к тебе подошел?» Не получая ответа, поклонник замолкал, погружаясь в омут мрачных предчувствий и предположений. С воображением у него все было в порядке. После того как в начале лета Александра, поддавшись на уговоры, переехала в его рублевский дворец, ситуация не улучшилась. «Что-то ты в последнее время как-то особенно тщательно стала за собой следить?» — с подозрением спросил он уже на третий день после ее переезда, заглянув в открытую дверь ванной, где она делала самый обычный, незаметный — очевидный признак хорошего вкуса — макияж. Выяснилось, что Кузя контролирует каждый ее шаг: умудряется втихую читать эсэмэски, просматривает перечень звонков за день и залезает в почтовый ящик ее ноутбука. Более того, через оператора мобильной связи получает информацию обо всех ее передвижениях по городу, время от времени удивляя вопросами: «А зачем это ты ездила в Измайлово? А к кому ты зачастила на Кутузовский проспект?» Хотя такие вопросы кого угодно могли поставить в неловкое положение, оправдываться, а уж тем более отчитываться, Александра не любила. Поначалу отшучивалась, потом пыталась терпеливо вразумлять, но известная теория о неизлечимости чувства ревности подтвердилась на практике. Ее собственной. Профессиональные психиатрические приемы оказались бессильны, поэтому, застав однажды Кузю за изучением принадлежащей, как она всегда наивно полагала, лично ей записной книжки, Александра высказала ревнивицу все, что думает об этом конкретном случае и о нем самом как о главном действующем лице инцидента. Для усиления аргументации ненароком сбросила на пол, вымощенный редким бразильским мрамором, несколько подвернувшихся под руку коллекционных фарфоровых тарелок, собрала вещи, хлопнула дверью — сначала дома, а потом своей старенькой «девятки», пригорюнившейся в дальнем конце Кузиного поместья, и покинула загородную резиденцию несчастного Отелло. Оторопевший Кузя даже не попытался ее остановить, а лишь растерянно моргал, наблюдая за происходящим.

В общем, она ушла, а Кузя был просто убит. Он страдал. Регулярно звонил. Оставлял клятвенные заверения на автоответчике.

В целях примирения даже оформил на ее имя дарственную на бывшую коммуналку в районе Старого Арбата, о чем сообщил со смущенной улыбкой, подкараулив у подъезда дома ее мамы. А потом еще этот выигрыш в казино, куда она совершенно случайно зашла с Вадиком. Синяя «ауди» в полной комплектации — с телефоном, телевизором и восхитительной бежевой кожей! Мысль о том, что ее покупают, утонула в омуте печально-влюбленных Кузиных глаз. «Триста пятьдесят лошадей под капотом! Полный привод, спортивный обвес, а в руле — сервотроник! Просто чума!» Так, кажется, сказал хозяин казино, выскочивший поздравить «прекрасную победительницу». Хотя что такое «сервотроник», Александра не знала, но, поразмыслив немного перед лакированной «чумой» с телевизором и вдохнув под насмешливым взглядом Вадима восхитительный запах кожи в салоне, решила, что, в конце концов, покупать — еще не значит купить и что Кузя — ее врачебный крест, и уж если от него нельзя избавиться, надо хотя бы попытаться нести его с улыбкой...

— Я сама выиграла! Ты же видел! — воскликнула она, с почти искренним возмущением глядя на Вадима. — Потому что первый раз в жизни играла. А новичкам всегда везет! Разве не знаешь? — Ее распахнутые зеленые глаза должны были ясно говорить, что она безоговорочно верит в удачу новичков в игорном заведении.

— Знаю-знаю, — хмыкнул он. — У нас в стране ведь как? — лукаво посмотрел на собеседницу. — Захотел новую иномарку — сразу в казино беги. Главное — по дороге повторять непрерывно как заклинание: «Я новичок, я новичок! И, кроме дорогой иномарки, мне ничего не надо!»

— Вадь! Я тебя убью! Прямо сейчас! — Она занесла руку, явно намереваясь совершить противоправный хулиганский акт.

— Ой, и куда опять все санитары подевались? — озабоченно закрутил тот головой, на всякий случай отодвигаясь. — Совсем не берегут главного врача!

— Ладно! — примирительно сказала Александра, удовлетворенная его покорным видом, и опустила руку. — Живи пока, Вадюшенька. Не хочу, чтобы подумали, что я должность главного врача для себя освобождаю.

— Ну, спасибо тебе! — облегченно выдохнул помилованный, снова придвигаясь. — Жизнь, подаренная тобой, для меня вдвое дороже. Буду ее хранить вечно... На память! Но, — все же решил вернуться к животрепещущей теме, — по вопросу моего замысла об обогащении путем получения материальной помощи от заинтересованных лиц ты вроде возражений не имела?

— Вадь, прекрати! — поморщилась Александра. — Тогда тебе жена нужна будет успешный бизнесмен, которая груз свалившегося богатства на хрупких плечах потащит.

— Ну! Я ж к тому и веду, — оживился тот. — Сандрочка, выходи за меня замуж, а?

— Вадюш, мы же договаривались! — сказала она, снимая очки. — Тема брачных отношений закрыта! Мы с тобой просто друзья! — провела ладошкой по его руке.

— Быть твоим другом тяжело, но не быть им еще труднее! — скорбно повторил он давно заученную фразу.

Мимо них, оседлав метлу и издавая рычащий звук, проскакал «философ».

— Степаныч не иначе как на взлетную площадку направился. Опять, видно, в созвездие Ориона полетит, — невозмутимо заметил Вадим, проводив взглядом звездного скитальца, и достал из кармана халата пачку сигарет. — Все хочет убедиться, что там разумные существа обитают, коих он заочно считает своими единомышленниками... — с видимым удовольствием закурил, — ...в смысле полного и окончательного отказа от просмотра телевизионных программ. Ну не желает он всякую чушь смотреть и слушать и своей энергией телеговорящую и телепоющую вампирскую братию подпитывать! Слушай, а может, он прав? Я вот сам недавно телик включил и...

— Ты снова начал курить? Не выдержал? — перебила Александра и отмахнулась от струйки дыма, потянувшейся в ее сторону.

— А к тебе по-прежнему дым притягивается, — уклонился от ответа Вадим, старательно выдыхая в сторону после очередной затяжки.

— Ага, даже если ветер от меня дует. Феномен, не поддающийся научному объяснению.

— Как идет работа, Сандрочка? — Вадим, оглядевшись по сторонам, незаметным движением затушил окурочок о край скамейки.

— Не спрашивай лучше, — поморщилась она. — Тяжело идет. Материалов много собрала. С медицинской точки зрения вроде все ясно — вначале пограничные состояния, потом выраженная шизофрения с раздвоением личности, иногда переходящая в суицид как способ соединения с более успешным вторым «я» из прошлых жизней. Кстати, интересно, что всплеск психозов приходится всякий раз на перелом веков.

— Что, в конце двадцатого тоже всплеск был?

— Еще какой! Конец века наложился на окончание тысячелетия, а заодно и космической эры, отчего эффект только усилился. Собственно, всплеск и сейчас еще продолжается, — сказала она, с интересом наблюдая за Степаньчем, который старательно выписывал пируэты на метле между деревьями. — Слушай, Вадик, я вот думаю, может, мне в Египет поехать, чтобы на месте во всем разобраться?

— В путешествие, значит, собралась? — понимающе взглянул Вадим. — Охота к перемене мест одолела? Верный признак хандры. Исконная русская болезнь... Когда нет проблем с едой, — добавил с усмешкой. — Душа моя, может, пора уже снова на работу, а?

— Чтобы понять природу психозов, надо раствориться в среде, порождающей психозы! Разве не понятно? — воскликнула она, возмущенная посягательством на отпуск.

— Понятно, — неожиданно кротко сказал Вадим и весело посмотрел на нее.

Хотя его насмешливый взгляд показался Александре обидным, но оправдываться она не любила, поэтому, напротив, решила плеснуть масла в огонь.

— Да, кстати, для полноты погружения в их мир я вчера в экспериментальных целях гороскоп себе заказала через Интернет, — подкупающе доверительным тоном сообщила она. — Посмотрим, что скажут звезды по поводу моей поездки в Египет. — С очаровательной улыбкой уставилась на собеседника.